

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Третья 1989. 24 окт.

— Евгений Павлович, вы начинали как комедийный актер. Потом на сцене и на экране сыграли роли драматического и трагического плана. Что это, случайность? Режиссер пригласил, вы откликнулись, и случилось открытие? Или с годами изменилось ваше мироощущение и вы не могли существовать в границах прежнего амплуа?

— Я много беседовал с журналистами и рассказывал гораздо больше, чем, как мне кажется, сделал. Потому что есть у меня внутреннее ощущение, что я не до конца себя раскрыл. Да, мне посчастливилось сыграть царя Креонта в «Антигоне», старика Ванюшина... И Вожака в «Оптимистической трагедии». Его всегда играли через злобу, через настырную революционность. Но дело в том, что звериную философию можно проповедовать и людей можно расстреливать не от злобы, а потому, что так обществом решено, что тут поделаешь... Такого Вожака придумали мы с Марком Захаровым.

Так что в моей жизни много было счастливых ролей, но я, может быть, сумел бы сыграть Короля Лира. Его вроде бы никогда не играли через обмануть, доверчивость, доброту. А у Шекспира есть эта тема, и очень мощная. Может быть, сыграл бы и Ленина (один режиссер предлагал мне роль в экранизации повести Драбкиной о последних днях жизни Ильича), но кто бы мне в те годы это позволил? Представляю возможную реакцию Суслова, если бы ему известна была моя фамилия и если бы такой эксперимент состоялся: это какой-то Леонов?! Тот, что Шулейкин из «Полосатого рейса»?!! Играет Ленина?!!

Есть всем известные аксиомы, и я тут мало что могу добавить. Например, такая: из-под каждого актера раз в несколько лет надо выбивать стул, на котором он удобно устроился. Или: играешь доброго — ищи, где он злой, играешь умного — ищи, где он глупый. То есть делай героя объемным, преступник он или праведник. Он — человек, и этим все сказано.

Артист Певцов говорил своему другу Николаю Симонову: «Коля, в искусстве самое страшное — «комнатная правда». На «комнатной» органике не сыграешь Достоевского или Шекспира. Мало осмыслить роль, надо подготовить организм, чтобы «впрыгивать» в предложенные обстоятельства молниеносно. Зрителю нужны нервы, сиюминутное присутствие актера, ближе — к истине, выше — к правде...»

Мой не такой уж длинный жизненный путь, вместивший в себя и хорошее, и плохое, и даже смерть, и возвращение на Землю, постоянно что-то менял внутри и вокруг меня. Так вот на ваш вопрос я не могу ответить близко к какой-то формуле. Мое мировосприятие не есть величина постоянная. Оно меняется в зависимости от жизненных обстоятельств и определяет скорее не выбор роли, а характер моего в ней пребывания.

— Вы всегда были в ладу со своей профессией? Не возникало ли желание оставить ее?

— Когда-то я очень мало играл. Помню в Театре имени Станиславского Яншин два года ставил горьковских «Чудаков», а все остальные актеры труппы были абсолютно свободны. Мы часами бродили по улицам, спорили о будущих ролях. Простой тогда затянулся, и ситуация представлялась мне тупиковой. Было большое искушение все бросить...

— Я вкладывала в вопрос несколько иной смысл. Мне видится жесткое противостояние между творческой сутью актерской профессии и ее несамостоятельностью...

— Это только в нашем обществе зависимость актера приобрела доминирующее значение. За рубежом мера участия режиссера в создании фильма, разумеется, тоже велика, но с актером его связывают отношения соавторства. И это естественно. Широкий зритель идет в кино «на Мастоянни» и гораздо меньше людей знает, что режиссер фильма, скажем, Феллини. А у нас часто можно читать, как тот или иной известный, хороший артист с оттенком гордости утверждает: я — материал, скажет режиссер — укуси — укушу, скажет — стреляй — выстрелю...

Подневольное положение особенно угнетает, когда попадаешь в руки тех, кто не имеет

внутреннего права (а оно обусловлено талантом) распоряжаться другим человеком. Это зависит еще и от культуры, нравственных установок режиссера, а раз они утеряны обществом, то снижены и в каждом из нас до какой-то степени.

Но есть еще один тип зависимости порой не менее оскорбительный для творческой личности — от критиков и зрителей. И те, и другие бывают ох как несправедливы к нашему брату. Много лет назад одна критикесса написала примерно так: мы-то все ждали, что появился новый Яншин, а теперь, мол, разочарованы. Статья была проиллюстрирована, с фотографий на читателя смотрели — чистая,

го слова: не читала нотаций, не упрекала, когда мы забывали выполнить ее просьбу. Наверное, мы просто ее очень любили и старались помочь. Я не хочу рисовать нас такими ангелами, но все-таки мы получились добрыми, семейными, любящими людьми.

В семье у нас только один человек, не профессионально, а по душевному складу, по уму, по сердцу был художником. Мой дядя Николай Ильич Родионов. Он всегда считал, что во мне есть «искра божья». Просил: «Женька, почитай». И я читал: «Голубая кофта, синие глаза» или «Никогда не забуду, он был, или не был»... Дядя умирал со смеху. Говорил: «Талант

известно, услышит ли он вас, но сделайте так, чтобы он знал — его ждут в этом мире. Я сам актер, и знаю, как может сдвинуть психику такая ситуация: сидеть около постели умирающего, а может быть, умершего отца, и давать девятисуточный концерт. Мой сын это испытание выдержал.

Я не препятствовал Андриюше, когда он решил стать актером. На мой взгляд, мы, взрослые, не вправе решать за детей. Мы сами запутались. Вся жизнь только голосовали. Расстрелять — мы «за», оправдать — мы «за», нет, награждать — мы опять «за». Мы потеряли свое лицо и не имеем морального права отсылать детей к нашему покоренному жизненному опыту.

Я свою профессию выстрадал: и в массовках играл, и в эпизодах, и в простоях побывал. Но это все равно лучше, чем я бы остался токарем, не любя эту профессию. Дело не в общественном положении. В конце концов из токарей была дорожка и в академики, и в инженеры. А меня тянуло к рассказам Зошенко, Чехова... И когда я, толстый нескладный пацан, пришел на экзамен в театральную студию в пиджаке брата, перелицованном в пятый раз на шестую сторону, я выбирал не славу, не почести, не материальное благополучие — все это могло быть, а могло не быть. Я выбирал профессию.

— Евгений Павлович, для начинающих актеров крайне важно, в каких условиях им предстоит работать. Как бы вы оценили нынешнюю ситуацию в культуре, в искусстве?

— Тоскливо и скучно бывает слушать, когда кто-нибудь из ведущих кинематографистов говорит: мы не можем выйти на мировой уровень, у нас и пленка плохая, и камеры жужжат. Это, конечно, так. Но фильмы Пудовкина, Довженко, Эйзенштейна, Дзиги Вертова и других наших корифеев были сняты на такой же пленке, если не хуже, а мир потрясли. Меня пугает, что каждый раз, начиная заново, мы как бы перечеркиваем все, что было.

Сейчас никто ничего не запрещает. Получается, что свобода творчества, за которую столько лет боролись, нужна была для демонстрации обнаженной натуры. Я не против этого. Но у нас в обществе слишком много нерешенных проблем, чтобы так уж безоглядно увлекаться эротикой. И еще, пугает исчезновение из жизни «золотого запаса» нашего искусства...

Театр Петра Штайна из ФРГ привез к нам «Трех сестер», нашу родную, кровную литературу, которую мы не ставим. То ли потому, что не умеем, то ли сердца, глубины нет, то ли это прошлое для нас. Но почему же для немцев не прошлое? Почему во МХАТе, где они играли, набился полный зал сострадающих людей? И вы думаете, там были какие-то режиссерские изыски? Ничего подобного. Играли в прекрасных, глубинных, сердечных тонах, как всегда играли в русском театре переживаний. Хотя, конечно, и у нас есть радости. Захаровские «Мудрецы», «Паминальная молитва»... Но этого так мало. И, конечно, меня беспокоит, что молодые актеры растут и развиваются вне контекста истории нашей культуры.

Мудрый Олеша на I съезде советских писателей сказал: «В эпоху бурных темпов художник должен мыслить медленно». Нам, мне кажется, не хватает обыкновенной обстоятельности в освоении того, что имеем. Чтобы уверенно смотреть в будущее, мы должны знать свое прошлое. Прошу прощения за тривиальность суждения, но, говорят, истина не терпится в повторениях...

— И последний вопрос, Евгений Павлович. Полагаю, ваши почитатели не простят, если я не спрошу, как ваше здоровье?

— По-разному. Но, как видите, я не пошел на пенсию по инвалидности, работаю, сыграл премьеру — спектакль «Паминальная молитва» в Театре имени Ленинского комсомола. Живу полноценной, нормальной жизнью и считаю, что проживу не больше и не меньше, чем мне отпущено судьбой. Как и каждый из нас...

Беседу вела

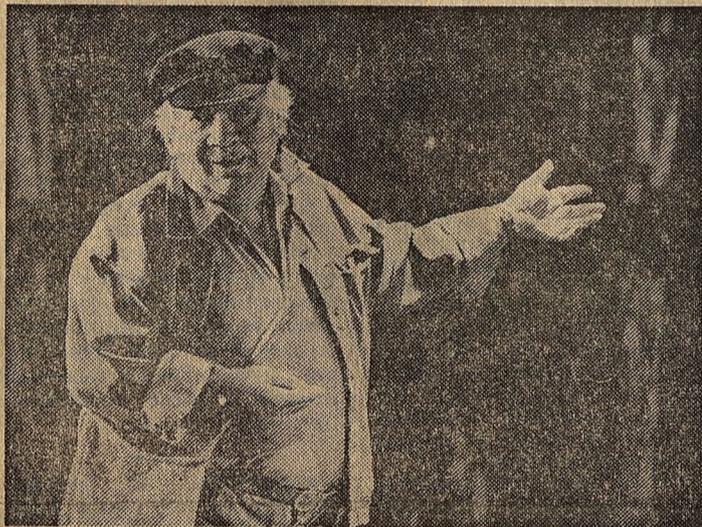
Т. КУЛИКОВА.

На снимке: Евгений Леонов в спектакле Театра имени Ленинского комсомола «Паминальная молитва».

Фото ТАСС.

Евгений ЛЕОНОВ:

ЧТО МНЕ ОТПУЩЕНО СУДЬБОЙ

светлая, с ямочками на щеках физиономия Лариосика из «Дней Турбиных» Булгакова (как олицетворение надежд автора) и два персонажа, что говорить, мало симпатичные (в подтверждение постигших критика разочарований). Я тогда никому ничего не говорил, но обиделся и переживал ужасно. И сейчас не могу понять, почему я должен быть непопулярным Яншиным, а не получившимся Леоновым.

Или говорит мне как-то знакомая актриса: «Женька, ты сейчас такой популярный, а как себя ведешь? Вчера моя подруга видела, как тебя, пьяного, выносили из ресторана ВТО, а ты кричал — кого несете?! Леонова несете!» А я в тот вечер в театре в спектакле был занят. И вообще не пью. И никогда не хвастаюсь тем, что я — Леонов. Потому как до сих пор не знаю, что же это такое — Леонов. Сегодня ты «звезда», любимец публики, а завтра придет письмо: как же ты, товарищ Леонов, мог сняться в фильме «Кин-дза-дза», совести у тебя нет никакой, ты же испортил настроение советскому народу, а все оттого, что ты хапуга, мы тебя любили, а теперь ненавидим... И одной рукой — семнадцать подписей.

— Вряд ли вы предвидели все эти сложности, когда пошли в актеры...

— Откуда! Я ведь не из артистической семьи. Мои родители по происхождению крестьяне, выходцы из деревни. Отец работал на авиационном заводе, без отрыва от производства окончил авиационный институт, стал инженером. Он был молчуном, а самым главным человеком в доме была мама. Но очень грамотная женщина, но что-то притягивало к ней людей, я думаю, бесконечно доброе ее сердце. В нашей не очень уютной коммунальной квартире постоянно пили чай какие-то гости; когда мы с братом поздно возвращались домой, часто приходилось пробираться через тела спящих на полу родственников, приехавших в столицу. Мама нас никогда не воспитывала в современном понимании это-

у тебя какой-то есть, но это безобразия». Я хохотал вместе с ним, а потом приходил домой и думал, как же он смеется над мной, рабочим неграмотным пареньком! Я тогда работал на заводе, потом поступил в авиационный техникум. Мне ужасно нравилось выступать там на вечерах, радовало, что все смеются. Потом, уже в театре, Михаил Михайлович Яншин поддал под дых: «Что вы как мериносы. Вам нравится, что все смеются? Вы что, клоуны, шуты?» И потихоньку сумел раскрыть перед нами значимость и глубину профессии.

— Ваш сын тоже стал актером. Обращает на себя внимание тот факт, что входит он в искусство естественно, успешно, так, как будто его отец — не народный артист СССР Евгений Леонов. Вы не пытались отговорить его от выбора профессии? Помогаете ли вы ему?

— Года два-три назад один юрист на страницах центральной газеты патетически вопрошал: почему у нас такие безобразия происходят — дети актеров идут в актеры? Я бы не печатал такую чепуху. Моему сыну 30 лет, получает он в театре 120 рублей. В кино не снимается, так что дополнительных приработков не имеет. По логике разгневанного автора статьи получается, что я, используя свой авторитет, всех преподавателей на экзаменах в училище уговаривал, дал взятки, чтобы мой сын существовал на этот мизерный оклад. Я вижу, как Андриюше тяжело, у него мало ролей. Но что я могу сделать? Сказать в театре: «Товарищи актеры! Я очень люблю своего сына!»? Так, что ли?

Я совершенно убежден, что у Андрея есть способности, есть качества, необходимые хорошему актеру. И сужу об этом не только по его театральным работам. Когда я десять дней лежал в гамбургской больнице в состоянии клинической смерти после двух инфарктов, а потом — еще девять после уникальной операции на сердце, и никто не знал, жив я или умер, врачи сказали Андрею и моей жене: пойте песни, читайте стихи, не-